

Николай Михайлович Карамзин

Несколько слов о русской литературе

Николай Михайлович Карамзин

Несколько слов о русской литературе

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2975825*

Аннотация

Статья была опубликована в журнале «Spectateur du Nord» («Северный вестник») в октябре 1797 г. на французском языке (печатается в переводе на русский язык). Обращаясь к европейскому читателю, Карамзин дает характеристику русской литературы. Статья особенно интересна тем, что в ней излагается содержание не опубликованных еще тогда полностью «Писем русского путешественника».

Содержание

Примечания

20

Николай Михайлович Карамзин Несколько слов о русской литературе

Письмо в «Зритель» о русской литературе

С удовольствием откликаюсь, милостивый государь, на любезное ваше приглашение и берусь за перо, чтобы начертать несколько слов о нашей литературе, каковую вы сочли достойной внимания ваших читателей. Да, сударь, в каждом климате встречаются дарования, и даже в России есть талантливые люди, которые достаточно скромны, чтобы не оспаривать пальму первенства у французских, немецких и прочих литераторов, но которые могут, читая их бессмертные творения, сказать про себя: «И мы тоже художники». Да, натура повсюду величественна и прекрасна; повсюду она трогает наше сердце, вызывает в нем чувствительное начало, живущее как в душе дикаря, так и в душе Ж.-Ж. Руссо; повсюду есть люди, наделенные им в высшей степени; более других эти люди внимательны к явлениям мира физическим и моральным, получают от него более живые и более глубокие впечатления и выражают их с большею энергией и с более тонкими оттенками. Вот источник всех талантов

и в особенности – источник поэзии, которую русские создавали задолго до времен Петра Великого. Есть у нас песни и романсы, сложенные два-три века тому назад, где мы находим самое трогательное, самое простодушное выражение любви, дружбы и проч. То пастушка оплакивает смерть своего возлюбленного, павшего в бою, его окровавленные одежды приносят ей, и она пытается смыть кровь своими слезами; то богатырь, странствующий рыцарь, скрепляет дружбу своей кровью и говорит брату по оружию: «Видишь ли ты сию гранитную скалу? Она выстояла против всех бурь. Столь же нерушимой будет моя дружба к тебе, ради тебя она выстоит против всех бурь житейских». То это юный пастух, который воспевает счастье своих овец куда натуральнее, чем г-жа Дезульер, и тем скрашивает скуку своего одинокого существования; то несчастный изгнанник бежит общества, углубляется в темные леса, живет с дикими зверьми и находит, что они менее жестокосердны, нежели люди. Во всех этих песнях такт очень размерен и очень разнообразен, все они проникнуты меланхолией и склонностью к нежной грусти, которые свойственны нашему народу и прекрасно выражены в очень простых, очень унылых, но очень трогательных напевах.

Есть у нас и старинные рыцарские романы (герои их обычно военачальники князя Владимира, нашего Карла Великого) и волшебные сказки – некоторые из них достойны называться поэмами. Но вот, милостивый государь, что поразит вас, быть может, более всего – года два назад в наших архи-

вах обнаружили фрагмент поэмы, озаглавленной «Слово о полку Игореве», которую можно поставить рядом с лучшими местами из Оссиана и которую сложил в двенадцатом веке безымянный певец. Энергический слог, возвышенно-героические чувства, волнующие картины ужасов, почерпнутые из природы, – вот что составляет достоинство этого отрывка, где поэт, набрасывая картину кровавого сражения, восклицает: «О, я чувствую, что моя кисть слаба и бессильна. У меня нет дара Бонна, этого соловья прошедших времен...» Значит, и до него были на Руси великие певцы, чьи творения погребены в веках. В наших летописях сей Бонн не упомянут; мы не знаем, ни когда он жил, ни что он пел. Но дань уважения, воздаваемая его гению подобным поэтом, заставляет нас сокрушаться об утрате его созданий.

Когда Петр Великий сорвал завесу, скрывавшую от наших взоров жизнь цивилизованных народов Европы и успехи их искусств, тогда русский человек, униженный сознанием своей отсталости, но чувствующий, что он способен обучиться, захотел подражать иностранцам во всем – в образе жизни и в платье, в обычаях и искусствах; он переделал свой язык на манер и подобие немецкого и французского, и поэзия и словесность наши превратились в отзвук и отражение чужеземных поэзии и словесности.

С тех пор мы с успехом испробовали силы свои почти во всех жанрах литературы. Есть у нас эпические поэмы, обладающие красотами Гомера, Виргилия, Тасса; есть у нас тра-

гедии, исторгающие слезы, комедии, вызывающие смех; романы, которые порою можно прочесть без зевоты, остроумные сказки, написанные с выдумкой, и т. д. и т. д. У нас нет недостатка в чувствительности, воображении, наконец – в талантах; но храм вкуса, но святилище искусства редко открываются перед нашими авторами. Ибо пишем мы по внезапной прихоти; ибо слабое ободрение не побуждает нас к усидчивому труду; ибо, в силу тех же причин, справедливые критики редки на Руси; ибо в стране, где все определяется рангами, слава имеет мало притягательного. Вообще же у нас больше пишут в стихах, нежели в прозе; дело в том, что под прикрытием рифмы более допустима небрежность, что благозвучную песню можно прочесть в обществе хорошенькой женщине и что сочинение в прозе должно содержать больше зрелых мыслей. Вот уже несколько лет, как в Москве выходит календарь муз под названием «Аониды», с эпиграфом из Шамфора:

Соперника в стихах восславим торжество,
Кто победитель мой? Я обниму его.

Все наши поэты печатаются в этом альманахе, – они воспевают восторги или мучения любви, улыбку весны или жестокости зимы, радости труда или очарование лени, величие наших монархов или прелесть наших пастушек; вслед за тем они замолкают на весь год.

Прилагаемый к сему отрывок из прозаического сочинения, стяжавшего в России некоторый успех, позволит вам судить о том, как мы видим вещи, как пишем и как изучаем создания словесности.

Письма русского путешественника, в пяти частях. Москва, 1797 год

Своему успеху у русского читателя это сочинение отчасти обязано новизне предмета. Наши соотечественники¹ давно путешествуют по чужим странам, но до сих пор никто из них не делал этого с пером в руке. Автору сих писем первому явилась эта мысль, и ему удалось привлечь интерес публики. Это молодой человек, стремящийся увидеть природу там, где она предстает более сияющей, более величественной, чем у нас, и он особо алчет увидеть великих писателей, чьи сочинения пробудили в нем первые движения души. Он вырывается из объятий друзей и отправляется в путь один на один со своим чувствительным сердцем. Все интересует его: достопримечательности городов, мельчайшие различия в образе жизни их обитателей, монументы,

¹ Даем это сочинение, равно как и письмо, в том виде, в каком получили его: читатели смогут судить, до какой степени литература в России владеет нашим языком. Мы глубоко сожалеем о невозможности назвать выдающегося писателя, от которого письмо это получено; но мы должны уважать запрет, предписанный нам его скромностью. (Прим. изд. «Зрителя». – *Ред.*)

воскрешающие в его памяти различные знаменательные события; следы великих людей, которых уже нет на свете; приятные ландшафты, вид плодородных полей и безбрежного моря. То он посещает развалины заброшенного старинного замка, чтобы без помехи предаться там мечтам и блуждать мыслью во тьме прошедших веков; то он является в дом к знаменитым писателям – причем единственной рекомендацией служит ему его восторг перед их сочинениями; и почти всегда он бывает хорошо принят. Впрочем, ему случается и переносить некоторые унижения. Кант, Николаи, Рамлер, Мориц, Гердер принимают его сердечно и приветливо; он очарован их приемом и в таких случаях чувствует себя пронесенным в древние времена, когда философы отправлялись в самые дальние страны, дабы повидаться с себе подобными, и повсюду находили гостеприимных хозяев и искренних друзей. Но когда автор бессмертного «Агатона», будучи в дурном расположении духа, говорит ему: «Сударь, я вас не знаю», – он поражен, потрясен, он уже хочет уходить и хочет отказаться от своего увлечения такого рода визитами; но добрый Виланд смягчается, меняет тон, удерживает его и доверительно с ним беседует; и, проведя три часа в кабинете сего великого поэта, юный путешественник прощается с ним, полный признательности и со слезами умиления. О французской революции он услышал впервые во Франкфурте-на-Майне; известие это его чрезвычайно волнует, он въезжает в Эльзас

– там кругом сплошное смятение, разговоры только о кражах, об убийствах; он спешит в Швейцарию, чтобы там вдохнуть воздух мирной свободы; он видит пленительные долины, где земледелец покойно вкушает плоды своего размеренного труда; он взбирается на самые высокие горы, покрытые вечным снегом, и там, на их величественных вершинах, преклоняет колена, чтобы восславить творца вселенной; он близко сходится с альпийскими пастухами, восхищается красотой пастушек и с сожалением возвращается вниз, в долины. В Цюрихе он всякий день обедает в обществе знаменитого Лафатера, любя его за прямоту и добродушие, но сожалея о его ошибочных взглядах. Ему нравится жить в Берне, в Лозанне, в Веве; в Кларенсе он перечитывает самые страстные письма «Новой Элоизы» и, наконец, останавливается в Женеве. Он принят во всех серклях этого мирного городка, в доме г-жи К., присутствует на мистических сеансах одного графа-эмигранта, знакомится со знаменитым г. Боннетом и проводит восхитительные часы в Жанту, где, по его словам, созерцает «созерцателя природы на пороге отбытия в небесную отчизну, читая на его величественном челе тихое спокойствие, мирный сон души, кои наступают, когда уже все силы истрачены на активную деятельность и когда душе, достигшей высшей степени духовного совершенства, нечего больше делать на земле». Читатель с удовольствием остановится на всех подробностях, касающихся Боннета – нежного супруга,

друга человечества и благодетеля бедных.

Автор совершает поездки в Савойю, в Швейцарию; ему кажется, что на острове св. Петра он видит тень Ж.-Ж. Руссо, в экстатическом состоянии беседует с нею и возвращается в Женеву – читать продолжение «Исповеди», которое только что вышло в свет. Он неоднократно посещает Фернейский замок, откуда некогда лились лучи просвещения, рассеявшие в Европе тьму предрассудков, где загорелись лучи остроумия и чувства, заставлявшие то плакать, то смеяться всех современников.

Наконец автор прощается с прекрасным Женевским озером, прикрепляет к шляпе трехцветную кокарду, въезжает во Францию, некоторое время живет в Лионе, восхищается французской учтивостью и безуспешно разыскивает могилу Амандуса и Аманды², могилу Фальдони и Терезы; затем продолжает свое путешествие и, наконец, надолго останавливается в Париже. Вот здесь-то и ждет его читатель; письма становятся интереснее и разнообразнее. Сначала он ошеломлен видом самого большого и самого шумного города в мире. Он чувствует потребность собрать воедино разрозненные впечатления, и, чтобы лучше живописать Париж, он покидает его. В прелестном Булонском лесу, сидя под сению деревьев, один среди оленей, которые бегают и резвятся вокруг него, он описывает эту столицу или, вернее, свои впечатления от нее.

² См. «Тристрама Шенди». (Прим. изд. «Зрителя». – *Ред.*)

«История Парижа, – пишет он, – это история Франции и цивилизации». Он пробегает ее кратко, но старается охватить все самые характерные черты и кончает словами: «Итак, французская нация прошла все стадии цивилизации, чтобы достигнуть нынешнего состояния. Сравнивая ее медлительное шествие со стремительным движением нашего народа в направлении той же цели, начинаешь верить в чудеса; поражаешься мощи созидательного гения, который вырвал русскую нацию из летаргического сна, в какой-то она была погружена, и с такой силой двинул ее по пути просвещения, что через малое количество лет мы оказались в одном ряду с народами, начавшими движение за много веков до нас. Но тут иные мысли, иные характеры занимают мое воображение: достаточно ли прочны эти здания, воздвигнутые с излишней поспешностью? Ведь в природе движение всегда размеренно и медлительно. Могут ли устойчивыми и прочными быть блистательные исключения из правил? Из детей, которых в раннем детстве слишком многому обучают, получают ли великие люди?.. Я умолкаю».

Наш путешественник присутствует на бурных заседаниях в Народном собрании, восхищается талантами Мирабо, отдает должное красноречию его противника аббата Мори и сравнивает их с Ахиллесом и Гектором. – Он принят в некоторых кругах Парижа, заводит знакомство с любезными маркизами, милыми аббатами, с писательницами, он слушает их рассуждения об экспансивной чувствительности, их

жалобы на то, что «хорошее общество» рассеялось по всем концам земли, – в этом они видят самое роковое следствие революции; он порядочно скучает в их кружках и бежит, чтобы отдохнуть, посещает зрелища, которые его чаруют. Академии, монументы искусства, Пале-Рояль, окрестности Парижа служат предлогом для многих изрядно длинных писем; особенно занято одно из них, которое содержит любопытные анекдоты, примечательные черточки, интересные характеры.

Неужели путешественник, недавно побывавший у всех немецких писателей, пропустит случай представиться французским литераторам? Во время одного из посещений Академии изящной словесности он подходит с изъявлениями глубочайшего почтения к автору «Анахарсиса» и делает ему несколько комплиментов на скифский или, вернее, на русский манер; мудрый Бартелеми слушает их с приветливым видом, столь характерным для афинской вежливости. Нашему путешественнику кажется, что он видит мудрого Платона, с доброю принимающего юного Анахарсиса, и это сходство ему бесконечно льстит. – Он с возмущением восстает против немецкого романиста, который описывает Мармонтеля как невежу с грубой внешностью; русский путешественник находит как в лице его, так и в манерах ту же утонченность, то же мягкое выражение чувств, кои так пленяют его в «Назидательных сказках». То, что он пишет о Бальи и Лавуазье, пробуждает тягостные воспоминания об их трагическом конце.

И, наконец, автор собрался рассказать о революции... Можно было бы ждать пространного письма, но в нем всего несколько строчек; вот они: «Французская революция относится к таким явлениям, которые определяют судьбы человечества на долгий ряд веков. Начинается новая эпоха. Я это вижу, а Руссо предвидел. Прочтите одно замечание в «Эмиле», и книга выпадет у вас из рук. Я слышу пышные речи за и против; но я не собираюсь подражать этим крикунам. Признаюсь, мои взгляды на сей предмет недостаточно зрелы. Одно событие сменяется другим, как волны в бурном море; а люди уже хотят рассматривать революцию как завершённую. Нет. Нет. Мы еще увидим множество поразительных явлений. Крайнее возбуждение умов говорит за то. Я опускаю занавес». Затем, говоря о французском характере, он пишет: «Назову воздух и огонь – и весь характер французов уже очерчен. Действительно, это самая остроумная, самая чувствительная и самая легкомысленная нация. Все общественные качества и все движения, порождаемые этими качествами, достигают у них высшей точки совершенства. Здесь все улыбаются вам; эта улыбка вежливости, которой мы напрасно пытались бы подражать и которая у немцев и англичан превращается в неприятную аффектацию (чтобы не сказать «гримасу»), улыбка эта так естественна, так изящна у любезных французов. Я люблю свое отечество; но пусть мне будет дозволено любить также этот народ и его пленительные манеры,

которые всегда будут привлекать иностранцев во Францию. Говорят, верных друзей следует искать не здесь. Друзей! Ах, они редки во всех странах, да и путешественнику ли искать их где бы то ни было? Ведь он подобен комете – появится и исчезнет. Дружба есть насущная потребность наша, и она нуждается в незыблемом предмете. Но все, чего может разумно требовать иностранец, прибывший издалека, чтобы познакомиться с народом, – французы предлагают вам это все в самой предупредительной форме. Та легкость, то непостоянство, в которых их справедливо обвиняют и которые можно смело отнести к недостаткам их характера, искупаются прекрасными качествами души, связанными с этими же недостатками. Француз непостоянен, но он зато и не злопамятен; его утомляет как восхищение, так и ненависть. Он взбалмошный и часто меняет одно благо на другое, сам первый смеется над своими ошибками и даже, если нужно, плачет над ними. Веселость и бездумье – приятные спутники его жизни; смешной каламбур радует его не меньше, чем скупого англичанина – открытие нового острова, ибо англичанин рассматривает весь свет и всех людей как объект спекуляции на лондонской бирже. Чувствительный до крайности, француз становится пламенным любовником истины, славы, всего, что есть прекрасного и великого; но любовники ветрены. Увлечение, энтузиазм, порыв злобы могут увлечь его к ужасным крайностям: крайности революции служат тому свидетельством. Что и говорить, будет жаль, если

сие великое событие должно будет изменить характер нации; боюсь, что, изменившись, она немало потеряет и перестанет быть тем, чем всегда была в моих глазах: самой любезной из всех наций.

Прожив четыре месяца в Париже (они показались ему весьма короткими), наш путешественник укладывается, садится в дилижанс, и вот он уже в Кале срывает цветы на мнимой могиле отца Лоренцо³. Он отплывает в Дувр, бросает свою трехцветную кокарду в море, шлет Франции свое последнее прощание, пожелав ей счастья, сходит на землю. Первое, что поражает его в Англии, – красота английских женщин; нежная томность их взоров, выражение чувствительности на их лицах, которое, казалось бы, говорит: «Я умею любить».

Боюсь, чтобы этот отрывок не оказался слишком длинным, потому обхожу молчанием десять писем, в которых путешественник рассказывает о своем пребывании в Лондоне, о своем знакомстве и впечатлениях. Под конец он резюмирует: «Мне нравится Англия, но я не хотел бы провести здесь всю мою жизнь. Мне нравится вид ее великолепных городов и веселых деревень, ее парки и лужайки; но мне не нравится ее унылый климат, ее вечные туманы, заволакивающие солнце. Мне нравится твердый характер англичан и даже их странности, но мне не нравится, что они угрюмы и флегматичны. Мне нравится их просвещенность и безукоризненная честность в делах; но мне не нравится ни их расчетливая

³ См. «Сентиментальное путешествие» Стерна.

скудость, желающая разорения всех других народов, ни их презрение к бедности, что возмущает мое сердце. Мне нравится, что они горды своей конституцией, но не нравится, что они торгуют местами в парламенте. Мне нравится крылатое красноречие Шеридана и Фокса, но не нравится ни их холодное действие, ни однообразная интонация их фраз. Мне нравятся трагедии Шекспира, но мне не нравится, как безвкусно их играют в Лондоне. Нравится мне также английская кухня, но вовсе не нравятся необычайно длинные трапезы, во время которых изрядно пьют и мало забавляются. И, наконец, я больше люблю англичанок, чем англичан, потому что они в большинстве своем хорошо воспитаны, романтичны и чувствительны, что вполне отвечает моему вкусу. Я и в другой раз приехал бы с удовольствием в Англию, но выеду из нее без сожаления».

Последнее письмо отправлено из Кронштадта. Им мы и закончим это описание:

«Берег! Берег! Приветствую тебя, о моя родина! Приветствую вас, о мои нежные друзья. Еще несколько дней, и я среди вас. Доволен ли я своим путешествием? Да, я доволен. Я испытал наслаждение, и этого достаточно. Я видел цветущие берега Рейна, великолепные Альпы, прекрасный Леман, благоухающие долины Франции, плодородные поля Англии, мне всегда будет радостно вспоминать все это. Я видел великих людей, и их священный для меня образ отпечатался в душе моей, склонной

чтить все прекрасное в человеческой природе. Я видел первые нации Европы, их нравы, их обычаи и те оттенки характера, которые складываются под влиянием климата, степени цивилизации и, главное, государственного устройства; я видел все это, и я научился сдержанности в своих суждениях о достоинствах и недостатках разных народов. Наконец, я собрал множество предметов для размышлений, дабы занять душу, разум и воображение мои в сладостные часы досуга, который является предметом моих мечтаний. Пусть другие гонятся за фортуною, за чинами; я презираю роскошь и быстропреходящие знаки отличия, ослепляющие чернь; но я хотел бы заслужить внимание отечества, но я хотел бы быть достойным уважения народа; и если себялюбие не обманывает меня, я могу этого уважения достичь, совершенствуясь в прекраснейшем из всех искусств, искусстве писать – источнике наслаждений для утонченных душ, столь хорошо заполняющем пустоту жизни. «Прекрасно только то, чего нет», – сказал Ж.-Ж. Руссо. Ну что ж. Если это прекрасное всегда ускользает от нас, как легкая тень, попытаемся уловить его нашим воображением; устремимся в заоблачные выси сладостных химер, начертаем прекрасный идеал, будем обманываться сами и обманывать тех, кто достоин быть обманутым. Ах! Если я не умею найти счастье в жизни, быть может я сумею его нарисовать, это все-таки значит быть каким-то образом счастливым; это все-таки кое-что. – Друзья мои. Приготовьте мне опрятную хижинку

с маленьким садиком, где есть всего понемногу: весной – цветы, летом – тень, осенью – плоды. Пусть в моем кабинете будет камин для зимы и книги для всех времен года. Друзья разделят со мной радости и печали. Что же до любви... о ней мы поговорим в наших стихах».

С тех пор автор написал много стихотворений.

ММ

Примечания

Статья была опубликована в журнале «Spectateur du Nord» («Северный вестник») в октябре 1797 г. на французском языке (печатается в переводе на русский язык). Обращаясь к европейскому читателю, Карамзин дает характеристику русской литературы. Статья особенно интересна тем, что в ней излагается содержание не опубликованных еще тогда полностью «Писем русского путешественника».